

В. З. Демьянков

О СТРАТЕГИЯХ НОРМИРОВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И О ФОРМИРОВАНИИ ЕДИНОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ

Внимание автора статьи сосредоточено на научном обосновании принципов, которые бы отвечали стремлению установить академические нормы, т. е. «приводить в порядок шатающийся механизм норм современного языка». Наблюдение за историческим процессом нормализаторской деятельности по отношению как к русскому языку, так и другим языкам народов РФ приводит автора к рассмотрению нормирования русского языка как к межнациональному проекту, который должен гармонично соединять в себе *академичность*, предполагающую уважительное отношение к чужому научному обоснованию, и сохранение категоричности, присущей *академическим* грамматике и словарю.

The attention of the author of the article is focused on the scientific bases of principles, that would respond the urge towards the establishment of academic standards, that is to put to rights the unsteady mechanism of the standards of present-day language. The close look on the historic process of standardizing activity regarding Russian language as far as another languages of the people of the Russian Federation brings the author to the observation of the Russian language regulation as if it was made for the international project which should be harmoniously connected with the scientific character assuming a respectful attitude towards the alien scientific grounds and the preservation of rigidity, that is inherited to the academic grammar and vocabulary.

Валерий Закиевич Демьянков

Доктор филологических наук, профессор, заместитель директора Института языкознания Российской академии наук, заведующий кафедрой западноевропейских языков факультета славянской и западноевропейской филологии Московского педагогического государственного университета

1. Типология нормирования и солидарность норм

Русский язык в России — не только язык межнационального общения: по образцу принципов нормирования русского языка устроены и принципы нормирования других языков РФ.

Такая «солидарность» норм традиционно является одним из символов политической солидарности. Так, известно, что в некоторый момент нашей истории народы СССР отказались от традиционной графики — арабицы — и перешли на латиницу, поскольку ожидалась диктатура пролетариата во всех европейских странах. Когда эти ожидания не подтвердились, под давлением русской традиции произошел переход многих языков СССР на кириллицу. В 1990-е годы некоторые республики СНГ перешли на латиницу, поскольку ориентировались на турецкую и западноевропейские системы графики. Все это примеры того, что некоторые стратегии нормирования объясняются скорее политической конъюнктурой, чем стремлением в наилучшей степени отразить «дух языка».

С другой стороны, при нормировании русского языка необходимо хотя бы «боковым зрением» учитывать опыт нормирования других

языков, особенно тех, которые на протяжении многих десятилетий и даже столетий входили в состав огромного государства.

Важнейшей предпосылкой для такого учета является построение типологии стратегий нормирования языков. Эта типология может быть построена только в результате эмпирического исследования, учитывающего соотношение конкретных видов нормирующей деятельности с результатами, полученными в конкретных исторических обстоятельствах.

Сегодняшнее состояние нормирования литературных языков многочисленных народов Российской Федерации является результатом как «внутреннего» развития каждого отдельного языка по его собственным законам, так и «внешнего» взаимодействия языков РФ между собой и с языками зарубежных стран.

В некоторых областях, таких как СМИ, народное образование, бытовая речь, эту ситуацию иногда характеризуют даже как кризисную и требующую безотлагательного вмешательства со стороны государства и общественных организаций.

2. Академические и академичные словари

Право утверждать нормы литературного языка — языка художественной и деловой литературы, а также вносить в них изменения и дополнения **делегировано** в зарубежных странах, как и у нас, национальным академиям. Именно они и являются «законодателями».

Создание академических словарей и грамматик имеет славную историю как в России¹, так и в самых разных зарубежных государствах: широко известны достижения в этой области академий наук Франции, Испании, Италии. В решении этой задачи традиционно принимали участие виднейшие деятели культуры и науки, политические деятели нашей страны. Так, академиком Императорской Российской Академии с 1832 года был А. С. Пушкин.

Академические грамматика и словарь, по определению, должны давать предписания, указывать, какие формы правильны, а какие не являются стандартными. Как в остальных видах законодательства, разрабатываемые и прини-

маемые языковые стандарты должны иметь хотя бы минимальное разумное обоснование, отличное от расхожего «такова тенденция», «это соответствует духу языка» и «так говорят многие».

В то же время *академичность* предполагает терпимость к чужому мнению и избегание прямой личной конфронтации: ср. **академичный стиль** — стиль уважительного отношения к чужому научному обоснованию, лишь минимально допускающий прямое возражение ученому оппоненту. А вот **академические** грамматика и словари по своему смыслу должны быть категоричными.

Чередование подходов «академического» и «академичного» продемонстрируем на примере того, какими были большие словари русского языка вплоть до 1960-х годов.

Первый нормативный «Словарь Академии Российской» вышел в 1789–1794 гг., был организован по корневому (а не чисто алфавитному) принципу и давал сведения о 43 275 словах. При переиздании в 1806–1822 гг. этот словарь был серьезно переработан: добавлены новые единицы (1131 слово), уточнены определения значений, вместо гнездового расположения находим алфавитное. Работу над следующим за ним словарем начинал коллектив академиков под руководством А. С. Шишкова, однако завершена эта работа была только в 1847 году, под председательством князя П. А. Ширинского-Шихматова. В отличие от нормативного Академического словаря в этом четырехтомном «Словаре церковно-славянского и русского языка» главный упор сделан на полное систематическое описание слов, когда-либо употреблявшихся на протяжении многих веков, начиная с первых памятников (всего 114 749 единиц). Включена и лексика пушкинской эпохи. Таким образом, это был скорее «академичный», чем академический словарь.

Следующий по времени, также скорее академичный, чем нормативный «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля вышел в 1863–1866 гг. и содержал около 200 тысяч слов. Кроме лексики литературной, он содержал и материал разговорной речи, особенно же диалектов. Материал упорядочен по гнездовому

принципу. Толкования состоят не в логическом определении, а в подборе синонимов, не всегда точных. Второстепенную роль играют грамматические пометы, но богато представлены иллюстрации словоупотребления, особенно из пословиц и поговорок, а также фразеология. Словарь выдержал несколько изданий, третье и четвертое были заново отредактированы И. А. Бодуэном де Куртене, дополнившим словарь 20 тыс. новых слов, исправившим и откорректировавшим грамматические характеристики слов.

А вот фундаментальный словарь Отделения русского языка и словесности Академии наук так и не был завершен. Первые выпуски этого словаря вышли под редакцией Я. К. Грота в 1891–1895 гг. После смерти Грота словарь редактировал А. А. Шахматов, затем — В. И. Чернышев и Л. В. Щерба; последний выпуск (вышедший в 1937 году) включал слова от *ободраться* до *обратность*. По замыслу Грота это должен был быть нормативный словарь, но, начиная с Шахматова, главной задачей стал максимально полный охват реального словоупотребления.

Однако следующий словарь был выдержан скорее в духе нормирования: «Толковый словарь русского языка» (содержавший сведения о 85 289 словах) вышел в четырех томах под редакцией Д. Н. Ушакова в 1935–1940 гг. Этот словарь включал слова лишь современного русского литературного языка, рекомендуемые для употребления, а областные слова были включены с большой осторожностью.

На базе словаря Ушакова С. И. Ожегов создал однотомный «Словарь русского языка». Первое издание вышло в 1949 году и включало более 52 тысяч наиболее употребительных слов современного языка, отобранных из словаря Ушакова. Впрочем, рекомендации по правописанию и орфоэпии даны более определенно и категорично.

Пожалуй, наиболее полным и академичным был «Словарь современного русского литературного языка» Академии наук СССР, вышедший в 17 томах (начиная с 1950 года). В нем фиксируется первое употребление слова — так, как это делается во французских и английских словарях академического типа.

На основе картотеки этого словаря в 1957–60 гг. вышел краткий академический «Словарь русского языка» в четырех томах под редакцией А. П. Евгеньевой — нормативный словарь, очень близкий по стилю к словарю Ушакова, но с серьезными коррективами толкований, состава словаря и иллюстративного материала.

3. Языковые законы, нормы и стандарты

Понятие нормы для нормализаторов языка не совпадает с представлением о норме у правоведов. Филологи очень часто (и не без оснований) принимают на вооружение следующий принцип: «Если так сказать нельзя, но хочется, то можно». Представим себе аналогичную ситуацию с правилами дорожного движения. Как известно, в России принято правостороннее движение, поэтому если вы поедете по левой стороне, пересекая непрерывную линию, вы совершите ошибку с тяжелыми последствиями для кошелька и жизни.

Законами языка мы называем чаще всего то, что не обязательно закреплено «кодексом законов», то есть нормативной грамматикой или академическим словарем. Чаще всего это именно то, как «хочется» говорить — тенденции живого языка. Нормами называют стихийно закрепленные закономерности употребления языка, молчаливо принятые сообществом. Стандартами же, по-видимому, следует называть нормы, которые должны принимать (иногда волевым решением) те, кому делегировано такое право — наши законодатели языка. Каким бы интересным ни был материал того или иного орфоэпического словаря, силу закона (в юридическом смысле слова) или подзаконного акта он приобретает только после утверждения соответствующей комиссией нашей Российской академии наук.

В результате конкуренции очень разных установок по отношению к бытующим нормам и отклонениям от них в нашей науке устойчивым стало то компромиссное представление, что нормы отражают «языковое чутье»: именно поэтому так подвижны эти нормы, меняющиеся в соответствии с тенденциями языка и речи.

Однако кто же все-таки в действительности решает, например, в какой именно момент фор-

мы родительного падежа множественного числа *чулков* и *носок* становятся столь же правильными, что и старые и традиционные *чулок* и *носок*? Кто автор того нового языкового «законопроекта» середины 1990-х годов, по которому предложение *Вася одел тужурку* стало в одночасье столь же допустимым, что и старая норма *Вася надел тужурку*?² Кому дано право определить, что, скажем, с 1995 года одинаково допустимы два варианта ударения: *звóнит* и *звонít*? Примеров таких «подвижек» можно привести огромное количество, однако даже те, кому делегировано право нормировать русский язык, не всегда могут сказать, когда же за них приняли такие поправки: открыв очередную версию нормативного словаря, они обнаруживают, что, оказывается, приняты нормы, за которые никогда они не голосовали.

Впрочем, возможно и такое: законодатель — член Думы или нормализатор языка — нарушает законы, в принятии которых он только что участвовал. Проголосовал за новые правила дорожного движения, сел в машину — и грубо их нарушил, поскольку они чисто условны, случайны, неорганичны, не мотивированы какими-либо глубинными резонами.

Так, у исследователей романских языков неизменно вызывает «педагогический обморок» произношение слова *афера* с ё. Когда же они узнают, что другое заимствование из французского — слово *солитер* — еще со времен словаря под редакцией Д. Н. Ушакова должно произноситься с ё³, их удивлению не бывает границ, и произнести *солитёр* бывает выше их сил. Возникает вопрос: когда, при каких обстоятельствах и под давлением каких доводов возникла такая новая норма, нарушающая один из важнейших принципов «неосвоенного заимствования»: заимствованный элемент должен сохранять, насколько это возможно в рамках системы заимствующего языка, свои оригинальные (представленные в языке-источнике) фонетические и грамматические свойства⁴. А с другой стороны: какие принципы русской языковой нормы запрещают в таком случае вариант *афёра* как допустимый? (Кстати сказать, в некоторых нормативных пособиях 1990-х годов, правда, без грифа Российской академии наук,

все указанные варианты «явочным порядком» были объявлены правильными с квалификацией: такова тенденция современного русского языка.) Нормализаторы должны все-таки думать о том, какой прецедент они создают, вводя новую норму. Или (что гораздо болезненнее для самолюбия) совершать время от времени ритуал покаяния и отказа от легкомысленно принятых стандартов.

Указанный выше принцип учета норм языка-источника очень широко используется в российской культуре заимствования. Так, по-русски бракуются выражения типа *наиболее оптимальный*: *optimus* по-латыни является формой превосходной степени от прилагательного *bonus* «хороший, добрый», поэтому элемент *наиболее* избыточен. Тем не менее сплошь и рядом мы встречаем и это много раз осужденное словосочетание, и *кредит доверия* (притом, что *кредит* происходит от латинского *credit* «верит»), и *горячие хот-доги* (*hot dog* — буквально «горячая собака»), и многие другие формы, возникающие от незнания языка-источника.

Часто конфликт норм возникает, когда у лексемы двойной источник заимствования. Так, слово *феномен* с ударением на последнем слоге в русском языке было заимствовано из французского языка — ср. *phénomène*, куда оно пришло из греческого — ср. *φαινόμενον*. Даже при глубоком уважении к античности ударение по-французски стоит всегда на последнем слоге. Когда же знание трудов греческих философов, а главное, чтение их в оригинале стало нормой для российских ученых, произошло «дублирующее» заимствование из греческого, с ударением на предпоследнем слоге: *фенóмен*⁵.

Академичность приводит к довольно гибкой (сегодня часто говорят *достаточно гибкой*) и иногда абсолютно условной границе между нормой языка и уместностью речи, уместностью употребления одного «регистра» речи в рамках другого: скажем, вкрапления диалектной или «молодежной» лексики в политическом выступлении или научном докладе. Сама по себе такая «инкрустация» вполне допустима — особенно когда автор речи использует этот прием осознанно с определенной целью. Так, знаменитое *мочить*

в сортире является совершенно очевидной декоративной инкрустацией, скорее всего, даже скрытой цитатой из прозвучавшего незадолго до этого фрагмента речи какого-нибудь уголовного. Наш знаменитый академик В. В. Виноградов, носитель образцового русского языка, иногда в шутку, а иногда и нечаянно произносил *ножкими* и *ручками* вместо *ножками* и *ручками*, поскольку так вы диалектные нормы окружения, в котором он провел свои детские годы. Игровое использование чуждого регистра выполняет важную функцию воздействия, является сигналом иронии или даже самоиронии (как в последнем случае).

4. Уважение к нормам языка как результат мотивированности стандартов

Каждое новое поколение упрекают в снижении уровня грамотности. Было это в 1920-е годы, сетуют на это и сегодня. Если бы речь шла действительно об абсолютной деградации, то абсолютный идеал можно было найти только в глубине веков, а завтра пришлось бы ожидать еще худшего, чем сегодня. Видимо, дело все-таки в том, что каждое новое поколение вольно или невольно демонстрирует равнодушие, граничащее с пренебрежением, к тем нормам, которые ему пытаются привить без достаточной мотивировки, как то, что «надо просто запомнить без долгих размышлений».

Сегодня часто случается, что во время популярной радиопередачи под типовым названием «Как правильно?» или «Правильно ли мы говорим?» ведущие оповещают нас о том, какие формы «допускаются» довольно большим числом «авторитетных» словарей, а действительные мотивы выбора того или иного варианта при этом не упоминаются даже вскользь: эти мотивы не указываются в цитируемых словарях. Все эти «новые нормы» предъявляются ошарашенному обывателю (с его «устарелыми» нормами) как то, что «надо просто запомнить». Скажем, *мускулистый* и *мускулистый*, *салатный* и *салатовый*. А ведь известно, что для молодого человека, как и для любого другого свободного человека (к какому бы поколению он ни принадлежал), отсутствие мотивировки является сигналом о необязатель-

ности «нормы». «*Чу/щу* пиши через *у*» — это куда ни шло. Но следовать предписаниям (употреблять только данные и никакие другие формы), неизвестно зачем и кем составленным — это уж слишком. Отсюда возникает порой непреодолимое желание плюнуть в лицо этой самой норме (дать футуристическую «пощечину общественному вкусу») и придумать что-нибудь свое, иногда не менее случайное: что-нибудь вроде *щаз* («сейчас») и *типо* (в значении «типа» в письменных кратких сообщениях).

Академичное накопление материалов о том, как сегодня употребляется язык, каковы фонетические, морфологические, синтаксические, лексические и т. п. варианты, является важнейшей предпосылкой для нормирования. Однако это всего лишь подготовка к совершенствованию норм: ведь требуется еще приблизить их к языковым идеалам, наиболее адекватным социальному профилю «героя нашего времени». Вспомним: в 1920-е годы таким героем был пролетарий (разумеется, идеализированный). В конце 1950-х годов, в эпоху «оттепели» и вплоть до конца 1980-х годов, иногда вопреки официальным установкам, на передний план стал выходить интеллигент. Выражение «гнилая интеллигенция» в это время стало употребляться не столько иронично, сколько самоиронично. Неудачная же адаптация приводит к отторжению нормы.

Поэтому пренебрежение к «чужой» норме коренится в социальной психологии. Ведь уровень грамотности прямо пропорционален тому, насколько сильно стремление людей к этой самой грамотности. А такое стремление тем выше, чем более притягательны авторитеты, диктующие эту самую грамотность. В 1990-е годы на некоторое время право голоса получили «авторитеты» уголовного мира. Отсюда и соответствующие нормы. Сегодня ценности изменились. Однако кого принимают в качестве абсолютного авторитета сегодня? Политического деятеля? Ученого-гуманитария? Писателя? Деятеля искусства? Известного визажиста? Олигарха? Топ-модель?

Эти наугад названные категории обладают каждый своим речевым профилем. А уважать норму можно, лишь зная, чьи языковые характе-

ристики легли в основу этой нормы. При изменении норм, следовательно, необходимо прямо или косвенно указывать, на кого будет похож человек, нарушающий эти нормы или, наоборот, следующий им.

Когда не было химии и медицины, люди пользовались услугами алхимика, шамана и знахаря. Однако уважение к любому виду деятельности, в том числе, и к науке, начинается с осознания разумности этой деятельности. Сказав «Так надо говорить, потому что так надо», мы, сами того не желая, ориентируем свою аудиторию на неуважение к нашим нормам. Неуважение к нашей дисциплине также коренится в таком шаманстве. Преодолеть это отношение можно, лишь только если вместе с констатацией нормы словари всегда (а не эпизодически) будут указывать **мотивировку** выбора правильного варианта. Система таких мотивов должна быть прозрачной и не *ad hoc*. Причем вряд ли удачна чисто академичная опора на статистику: иначе мы давно бы уже вместе с большинством населения *ложили книжку в сумку* вместо стандартного *клали*.

5. Нормирование русского языка как межнациональный проект

В РФ существует большое число национальных литературных языков, многие из которых обладают богатой литературой и древней традицией. Это обстоятельство вызывает потребность не только в нормировании каждого отдельного языка, но и в установлении некоторых общих наднациональных принципов нормирования. Интересный опыт в данной области был накоплен на протяжении существования АН СССР. В условиях современной России встает задача выявить новые проблемы и наметить новые пути их решения на основе накопленных данных и методов.

Для решения этой задачи необходимо провести следующие предварительные исследования:

1) установить состояние нормирования (стандартизации) всех литературных языков, существующих на территории Российской Федера-

ции, с дальнейшей перспективой обобщения и использования их в условиях современной России;

2) констатировать нерешенные проблемы в этой области;

3) предварительно установить пути решения этих проблем.

Для достижения указанных целей должны быть решены следующие задачи:

1) сбор сведений о языках народов РФ, об их статусе и о состоянии нормирования;

2) сбор информации о методах нормирования языков и эффективности их использования, накопленной на протяжении многих веков в России и за рубежом;

3) установление методики вычисления степени эффективности указанных мер;

4) выявление предварительных схем решения существующих проблем на основе полученных эмпирических результатов и установление методов оптимизации в применении этих схем.

Таким образом, речь идет:

– об эмпирическом установлении **типологии стратегий нормирования языков** и результатов применения этих стратегий как для систем языков, так и для лингвистического профиля человеческого общества;

– об обобщении эмпирических результатов и **построении теоретической модели**, позволяющей адекватно социальным обстоятельствам планировать и эффективно осуществлять мероприятия по сохранению и оптимизации использования литературных языков народов России;

– о подготовке к применению полученных результатов **в условиях современной России как сильного стабильного многонационального государства**.

Эта работа связана с координацией исследований не только лингвистов, но и литературоведов, историков культуры, этнографов и т. д.

В условиях современной России данная программа особенно актуальна, поскольку в условиях глобализации мы наблюдаем резкое расшатывание норм употребления литературных языков, приводящее к нестабильности и грозящее в некоторых случаях хаосом, а в пределе — даже

исчезновением некоторых существующих литературных языков, обладающих старой традицией.

В результате данного исследования будут подготовлены предпосылки для практического решения констатируемых проблем не случайным образом, как мы часто наблюдаем сегодня, а с помощью хорошо предварительно продуманной модели — научной системы методов, позволяющих просчитать наперед все возможные последствия предлагаемых решений.

Решение такой задачи обладает огромной социально-экономической значимостью, поскольку позволит не только достичь более высокого уровня стандартизации языков делопроизводства и права, но и:

1) устранить или смягчить потенциальные предпосылки для межнациональных противоречий в РФ, способствовать консолидации России как многонационального целого государства;

2) повысить уровень консолидации нашего общества в рамках различных регионов РФ;

3) решать задачи культурного строительства, в том числе, подъема уровня культуры и образования в нашей стране, на принципиально более высоком научно-обоснованном уровне;

4) регулировать на научной основе, а не случайным образом деятельность СМИ, сталкивающихся с огромным числом частных языковых проблем;

5) повысить эффективность политических и культурных мероприятий.

В частности, стандартизация научно-технической терминологии на языках народов РФ как часть приложения результатов данного проекта будет способствовать повышению эффективности научной и деловой коммуникации в нашей стране.

В этой работе академичность должны сочетаться со стремлением установить академические нормы: приводить в порядок шатающийся механизм норм современного языка следует с терпением и лишь в опоре на накопленный опыт России и других стран. Простым запретительством или, наоборот, вседозволенностью мы уже давно ничего не добиваемся.

Итак, занимаясь нормированием русского языка, мы должны осознавать, что по этому образцу будет проходить нормирование и других языков России. Это делает задачу нормализаторов русского языка еще более ответственной.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср.: «В 30-й день Сентября 1787 года удостоен Величайшего утверждения всеподданнейший доклад Княгини Дашковой об учреждении Императорской Российской Академии, с отнесением к ее обязанности *вычищения и обогащения языка, общего установления употребления слов*, также свойственного ему *витийства и стихотворства»* (Ширинский-Шихматов П. А. Предисловие к Словарю церковно-славянского и русского языка. СПб.: Типография Академии наук, 1847. С. 1). В 1841 году Императорская Российская Академия была присоединена к Императорской Академии Наук на правах Отделения русского языка и словесности.

² Нарушения этой нормы встречаем, впрочем, еще в классической русской литературе, например: *Матросик разделся догола, одел пробковый пояс и обвязался концом* (К. М. Станюкович).

³ Ср.: «СОЛИТЕ'Р [тэ] и СОЛИТ'ЕР, а, м. [латин. solitarius — одинокий]. 1. (солитер). Род крупного брильянта (мин.). 2. (солитёр). Плоский ленточный червь, паразитирующий в теле человека и животных (зоол.). *Свиной с.*»

⁴ Во французском языке лексема *solitaire* фиксируется с 1240 года в значении «место одинокого пребывания», с 1636 года — «человек, избравший одиночество как образ жизни», с 1680 года — «тот, кто привык жить анахоретом» и лишь с 1774 года «одиночный (не обязательно крупный) алмаз или бриллиант» (Nouveau Petit Robert: Dictionnaire analogique et alphabétique de la langue française. Paris, 1996). Никакого *soliteur* во французском нет: это новация русского просторечия.

⁵ Интересно, что в немецком языке существуют также два варианта: заимствование из французского *Phänomén* (общелитературный) с формой множественного числа *Phänoméne* и заимствование непосредственно из греческого *Phänómenon* (терминологический вариант с ударением на втором от начала слоге) с греческою же формою множественного числа *Phänóména*. Русскому языку второй вариант формы множественного числа пока еще чужд.